

СВ. АСТЕРІЯ АМАСІЙСКАГО

СЛОВО ВЪ ПОХВАЛУ

СВЯТЫХЪ ВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Всѣ эти обычныя и по закону совершаемыя священныя чествованія мучениковъ суть торжественныя празднества и вѣчные памятники доблестно подвизавшихся по Богѣ. На нихъ предстоятели Церквей, когда приступаютъ къ произношенію рѣчей, соизмѣряя свои силы съ величіемъ предметовъ, уже въ предисловіяхъ прибѣгаютъ къ просьбѣ о снисхожденности и извиненіи, и говорятъ, что они умаляютъ величіе подвиговъ скудостью рѣчи. И если они, намѣреваясь восхвалять каждаго (обыкновеннаго) изъ мучениковъ, изнемогаютъ въ похвалахъ и въ слухъ всѣмъ исповѣдуютъ собственное безсиліе; то кѣмъ могу оказаться сегодня я, имѣющій предметомъ для хвалы — наставниковъ мучениковъ, присныхъ и первыхъ учениковъ Христа, отцевъ Церквей, найдостовѣрнѣйшихъ провозвѣстниковъ Евангелія, бесѣдовавшихъ съ Богомъ и принимавшихъ слухомъ своимъ гласъ Божій? Однакожъ изъ-за того, что слишкомъ возвышенна рѣчь и трудно выполнимо предпріятіе, мы не удовольствуемся коснымъ и бездѣятельнымъ молчаніемъ, подобно трусамъ и непривычнымъ къ морю, которые при од-

номъ лишь видѣ моря падаютъ духомъ и какъ сначала не рѣшаются вступить на корабль, такъ (и потомъ) ради опыта (хоть) немножко проплыть вдоль береговъ. Но ввѣривъ предпріятіе самимъ Треблаженнымъ, ради коихъ сошлись мы нынѣ, попытаемся предложить посильное на утѣшеніе другимъ. Знаю, что спросится не столько, сколько подобаетъ тѣмъ, великимъ и дивнымъ, а сколько окажется у нашей скудости. Посему желалъ бы я, чтобы мнѣ дана была сегодня малая доля той благодати, обладая которою оба эти святые, — одинъ въ Іерусалимѣ училъ невѣрующихъ, другой выступилъ въ Аѳинскомъ Ареопагѣ и отвратилъ богобоязненныхъ отъ безбожнаго блужданія, показавъ имъ Христа и возвѣстивъ тайну истиннаго благочестія: такимъ образомъ мы исполнили бы хотя что-нибудь изъ подлежащаго намъ и не оказались бы слишкомъ скудными по сравненію съ чрезмѣрнымъ величіемъ предмета.

Но такъ какъ великіе дары Духа свойственны великимъ, я же недостойнъ обогащаться такими милостями; то предложу вамъ съ готовностію скудость свою, какъ Елисей—овощи съ мукой ¹⁾, дабы не лишиться чести всесторонне представить прекрасное. Но никто изъ васъ, намѣревающихся слушать меня, да не подумаетъ, что я, предпочтя славу людей извѣстныхъ (въ составленіи рѣчей), буду слѣдовать законамъ внѣшней (языческой) мудрости; такъ какъ мы не составляемъ льстивой рѣчи искусственнымъ сочиненіемъ, но стремимся представить вамъ въ истинномъ видѣ добродѣтель боголюбивыхъ душъ. Посему умолчано будетъ о родѣ, и великая слава отцевъ не обременить рѣчи: „ибо плоть и

¹⁾ 4 Цар. IV, 38.

кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія“ ¹⁾. И даже не по земному и мірскому будемъ мы чтить гражданъ небесныхъ: но совсѣмъ напротивъ—и безвѣстная жизнь отцевъ, и низкія ремесла, и мнимый порокъ бѣдности — все это будетъ упомянуто въ числѣ похвалъ: такъ какъ слава христіанъ, по нашему Евангелію, есть уничиженіе. И я, просматривая похвальные рѣчи внѣшнихъ (язычниковъ), сильно не одобряю (ихъ); потому что, желая почтить тѣхъ, кого они избираютъ, за неимѣніемъ сказать ничего особенно хорошаго, тщетно прибѣгаютъ къ гробницамъ, напрасно тревожатъ лежащихъ тамъ, берутъ и мертвецовъ для украшенія живыхъ, своимъ обращеніемъ къ усопшимъ сознаваясь въ томъ, что ничего добраго нѣтъ у восхваляемыхъ ими. И сверхъ того, такъ какъ у нихъ уже признано, что происходящіе отъ знаменитыхъ отцевъ непременно и сами хороши и наслѣдуютъ добродѣтели, какъ нѣкое природное свойство; то умѣстнымъ считалось (у нихъ) дѣлать также воспоминаніе и о родителяхъ. Но поелику наслѣдственную передачу рода по большей части извращаетъ различіе занятій (вѣдь и отъ любомудраго бываетъ неразумный и отъ легкомысленнаго—любомудрый), то напрасный трудъ — вспоминать о прадѣдахъ, когда надо показывать, имѣетъ ли то или другое лицо успѣхи въ добродѣтели. А что это такъ, нѣтъ нужды съ большими затрудненіями узнавать изъ другихъ источниковъ, но—изъ самаго Священнаго Писанія нашего, заключающаго въ себѣ многостороннюю и разнообразную пользу.

Мы знаемъ, во всякомъ случаѣ, священника ²⁾, извѣстнаго старца, воспитателя и учителя великаго

¹⁾ 1 Коринѣ. XV, 50.

²⁾ Разумѣется Ілій см. въ 1 Цар. II, 12 и слѣд.

Самуила; но, самъ будучи превосходнѣйшимъ, онъ ничѣмъ не помогъ сыновьямъ своимъ, хотя они и воспитаны были подъ руководствомъ самого родителя и ежедневно изучали законоположенія священства. Затѣмъ, отъ нечестивыхъ родителей Тимоѳеѣй ¹⁾,—я разумѣю апостола, славнаго питомца Павлова: вѣдь не послѣдовалъ же онъ, какъ бы за природою какой, за воспоминаніемъ о родителяхъ, но разумно презрѣвъ ихъ нечестіе, добровольно перешелъ къ святому закону благочестія, и явился сладкимъ плодомъ отъ горькаго корня: соитіе муловъ, а порожденіе овецъ. Такъ и Авессаломъ ²⁾, отъ благопристойнаго отца юноша неистовый и настолько прославившійся дерзостью, сколько отецъ — доброю, или скорѣе,—если сказать ближе къ истинѣ,—въ значительной степени превосходившій порочною добродѣтелью родителя. И вообще, если кто пожелаетъ обратить вниманіе на подобныя противоположности дѣтей сравнительно съ отцами, найдетъ безчисленное множество нравственныхъ (дѣтей) отъ худыхъ (родителей) и дурныхъ—отъ превосходнѣйшихъ. И это весьма естественно: ибо если бы природа, а не образъ жизни, производила порокъ или добродѣтель, то не было бы двухъ (т. е. и порока и добродѣтели), но одно изъ двухъ возобладало бы исключительно.

Итакъ, да будетъ предметомъ рѣчи нашей Петръ, сынъ Іоны, ³⁾ а какого такого, для меня безразлично, потому что я за дѣла сына чту родителя, и, начавши снизу, до верху возвожу славу, подобно какъ ночные свѣтильники съ полу освѣщаютъ по-

¹⁾ Дѣян. XVI, 1.

²⁾ 2 Цар. XV, 1 и слѣд.

³⁾ Іоан. I, 42.

толки. Исаія говоритъ пророчествуя ¹⁾, что Отецъ положилъ Сына камнемъ краеугольнымъ, показывая, что весь составъ міра имѣетъ Его своею основою и опорою. А Единородный, какъ говорится въ Евангеліяхъ, называетъ въ свою очередь Петра основаніемъ Церкви: „ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою“ ²⁾. И дѣйствительно, онъ первый, какъ бы камень какой великій и крѣпкій, былъ вверженъ въ ровъ міра сего, или—„въ долину плача“, какъ говоритъ Давидъ ³⁾, — дабы поддерживая всѣхъ христіанъ, назданныхъ (на немъ), вознести къ высотѣ, которая есть жилище упованія нашего. „Никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ“ ⁴⁾. Подобнымъ же названіемъ Спаситель нашъ почтилъ и перваго ученика Своего, нарекии камнемъ вѣры. Итакъ, чрезъ Петра, бывшаго истиннымъ и вѣрнымъ тайноводителемъ благочестія, сохраняется твердое и непоколебимое основаніе Церквей. Строеніемъ праведнаго стоимъ мы,—сущіе отъ восхода солнца до запада христіане,—крѣпко утвержденные, не смотря на многія воздвигавшіяся испытанія, съ тѣхъ поръ какъ возвѣщено Евангеліе, и на безчисленное множество тиранновъ, а прежде нихъ — діавола, желавшаго ниспровергнуть долу и исторгнуть насъ съ самыхъ основаній. Разлились рѣки,—какъ говоритъ спасительное слово ⁵⁾,—какъ бурные потоки, сильные вѣтры діавольскихъ духовъ устремились, неудержимые дожди гонителей хрис-

¹⁾ Ис. XXVIII, 16.

²⁾ Мѡ. XVI, 18.

³⁾ Псал. LXXXIII, 7.

⁴⁾ 1 Коринѡ. III, 11.

⁵⁾ Мѡ. VII, 27.

тіанъ съ шумомъ обрушились, и — ничего сильнѣе твердыни божественной не оказалось, такъ какъ святыми дланями перваго изъ апостоловъ было устроено зданіе вѣры. Все это, что я говорю, слѣдовало бы выразить однимъ словомъ благословенія Того, Кто называлъ благовѣстника камнемъ. Посмотримъ же, если угодно, какъ созидаль Петръ: не камнями и кирпичами и не другими какими-нибудь земными матеріалами; но словами и дѣлами, которыми дѣйствовалъ по внушенію Духа.

Итакъ, когда Богъ и Спаситель нашъ возшелъ на небеса, имѣя колесницею облако, въ виду апостоловъ, — сей мужъ принялся за проповѣдь Евангелія: и, прежде другихъ сотоварищей по епископству, отверзши уста, смѣло выступилъ противъ народовъ, возстававшихъ на благочестіе и явился мудрымъ проповѣдникомъ — среди язычниковъ и Израиля, не смотря на то, что язычники точили зубы и были исполнены ярости (противъ всякаго), кто называлъ бы Иисуса. Поэтому сказанное о Господѣ въ пророчествѣ вполне можно приложить и къ Петру: *обыдоша мя пси мнози, юнцы тучніи одержаша мя* ¹⁾. Но онъ, пламенѣя духомъ и сохраняя незабвенную заповѣдь, сказавшую ему: „паси агнцевъ Моихъ“ ²⁾, — ставши въ толпу, состоявшую изъ безчисленнаго множества народа, восклицалъ: „мужи Іудейскіе и всѣ живущіе въ Іерусалимѣ“ ³⁾! — и, чтобы намъ не распространиться слишкомъ, приводя каждое выраженіе, (скажемъ кратко, что) припоминаетъ онъ провѣщанія Іоіля, пророчествовавшаго о низшествіи Духа; отсюда переходитъ къ Давиду и, сославшись

¹⁾ Псал. XXI, 17 и 13.

²⁾ Іоан. XXI, 15.

³⁾ Дѣян. II, 14.

на псаломъ пятнадцатый, утверждаетъ воскресеніе; и всю рѣчь закончивъ мудрыми изреченіями и свѣдѣтельствами закона, онъ тотчасъ же привлекъ къ себѣ слушателей, — не десять и не сто, не трижды или пять разъ столько, но три тысячи мужей, — полноту Церкви ¹⁾, цѣлый народъ, достаточный для того, чтобы изумить непріятелей, отъ коихъ они всѣ вдругъ отдѣлились. О, горячее и пламенное средство убѣжденія, быстро тронувшее души! О, мудрость богословская, затмившая всякую мудрость человѣческую! Что скажете вы, превозносящіе Димосеена надъ ораторами, и прославляющіе Сократа между философами? Вѣдь Димосеенъ, великій и препрославленный въ ораторскомъ искусствѣ, такъ мало былъ въ состояніи убѣдить въ томъ, въ чемъ желалъ, что даже былъ изгнанъ изъ города (своими) слушателями. Сократъ же плодомъ (своихъ) многихъ рѣчей къ Аѳинянамъ и мудрыхъ собесѣдованій обрѣлъ цикуту (ядъ), будучи умерщвленъ сонмомъ (своихъ) учениковъ: такъ мало было у него силы убѣдительности. А Петръ, — рыбарь, ремесленникъ, неученый и вообще какъ кому угодно унижительно назвать, — однимъ приступомъ слова уловивши три тысячи мужей, прочно поставилъ ихъ въ новое положеніе, хотя они негодовали и возставали противъ него и не допускали сначала, чтобы онъ открылъ уста. А послѣ того, какъ сонмъ христіанъ достаточно увеличился и распространился, — поелику кромѣ словесныхъ назиданій и увѣщаній онъ (Петръ) явилъ и удивительное доказательство способности дѣятельной, возстановивъ здравымъ хромага у преддверія храма, — хромага отъ чрева матери, калѣку

¹⁾ Т. е. число, вполне достаточное для церкви.

вслѣдствіе природнаго поврежденія,—и весь народъ сразу сбѣжался къ храму, привлеченный къ зрѣлищу молвой о великомъ дѣлѣ, и всѣ пристально смотрѣли на сего мужа, пораженные чудомъ; то заградились уже уста враговъ Христовыхъ, и крестъ сталъ затѣмъ знаменіемъ побѣды, а не поношеніемъ. Опять этотъ необразованный, работникъ низкаго ремесла начинаетъ вторую рѣчь, говоря къ нимъ (приблизительно) такъ: „о мужи! если достойнымъ удивленія и божественной силы кажется вамъ случившееся, то поклонитесь Цѣлителю хромаго, Іисусу, Котораго заушили вы по ланитамъ, а напоследокъ, воспылавъ яростію, и на древо вознесли. Онъ существуетъ и живетъ и, какъ часто говорено было вамъ, воскресши изъ мертвыхъ, царствуетъ надъ всѣми. Посему нынѣ, принявши раскаяніе въ томъ, въ чемъ согрѣшили вы, „приступите къ Нему и просвѣтитесь“, ¹⁾ какъ говоритъ отецъ вашъ Давидъ. Если вы сыны пророковъ и ученики Моисея, то не безчестите же благодати своихъ предковъ, внимая лжецамъ; но благоразумно вникнувъ въ то, что предвозвѣщено ими, примите душами Спасителя рода вашего. Онъ—Тотъ, о Которомъ Моисей провозвѣстилъ, что возстанетъ у васъ пророкъ“ ²⁾. — Это и подобное изложивъ передъ народомъ, онъ (Петръ) отошелъ, присоединивъ къ тремъ тысячамъ еще столько же. Такъ вотъ каковъ Петръ, готовый смѣло говорить въ рѣчи передъ народомъ о тайнѣ Евангелія, неустрашимый, разумный,—ободреніе для своихъ и страхъ для противниковъ.

Поелику же не то только было предметомъ старанія для превосходнѣшаго учителя благочестія, чтобы

¹⁾ Псал. XXXIII, 6.

²⁾ Втор. XVIII, 15.

народъ Божій умножился количествомъ, но гораздо болѣе — чтобы ученики исполнѣ точно жили по даннымъ законамъ; то, увидѣвъ, что Ананія тотъ, похититель своихъ собственныхъ стяжаній и странный святотатецъ, готовъ былъ вселить въ христіанъ грѣховную привычку, — безпощадно отсѣкъ его отъ Церкви, не будучи суровымъ и насильственнымъ въ этомъ рѣшеніи, но въ цѣляхъ пользы уврачевавши грѣхъ такимъ образомъ. Такъ какъ народъ былъ новообращеннымъ и недавно присоединившимся къ обществу вѣрующихъ, только что принявшимъ евангельскіе законы послѣ эллинской и іудейской распущенности; то справедливымъ признавалъ онъ, что ученики нуждаются не въ словесномъ только назиданіи, но и въ нѣкоторой угрозѣ, удобоисполнимой (ибо обыкновенно люди, разъ они въ началѣ будутъ приучены къ законному порядку въ образѣ жизни, до конца сохраняютъ эту привычку). Посему, обличивъ грѣхъ, онъ (Петръ) навелъ смерть въ отмщеніе, не мечемъ воспользовавшись и не палачамъ предавши его (Ананію), но особенно явивъ тогда силу Христа въ способѣ умерщвленія: произнесъ онъ только обвиненіе и виновный испустилъ духъ. А какъ это подѣйствовало и какой благовѣйный страхъ вселило въ Церкви, — объ этомъ нѣтъ нужды передавать. Одновременно достигнутъ былъ успѣхъ въ двухъ отношеніяхъ: возбуждена была вѣра и въ Спасителя Нашего, какъ Бога, и въ наставника законовъ Его, какъ имѣющаго спутниками ангеловъ, съ готовностію дѣйствующихъ по желанію апостола. Пожелалъ онъ облагодѣтельствовать храмаго, и не замедлила благодать: захотѣлъ наказать святотатца, и явилось наказаніе.

Этого было достаточно, чтобы привести въ сродганіе каменные души и твердо убѣдить, что не обманчивы были слова, произносимыя Петромъ, но что дѣйствительно Богъ былъ съ нимъ, и свято и истинно таинство, которое возвѣщалъ онъ. Необходимо и на то обратить вниманіе, что знаменіе наказанія и убіенія только одинъ разъ произошло черезъ апостола по нуждѣ (для того), чтобы рѣшающимся на зло дать доказательство силы карающей,—чудеса же благодѣяній и исцѣленій совершалъ онъ ежедневно и безпрерывно. И такая легкость и благодать къ врачеванію была присуща ему, что никто изъ больныхъ, пришедши къ нему, не возвращался обманутымъ въ надеждѣ, но цѣлымъ и здоровымъ отходилъ домой. И во всякомъ мѣстѣ Іерусалима, гдѣ появлялся Петръ, онъ возвѣщалъ Христа ¹⁾; множество больныхъ имѣлъ онъ слѣдовавшими за собой, и странное зрѣлище каждодневно—изъ смѣшаннаго народа: при чемъ одни сходились, чтобы освободиться отъ тяготящихъ золъ, другіе—чтобы видѣть исцѣляемыхъ. Такъ, объ (этомъ) апостолѣ записано и нѣчто такое чудесное, чего ни о комъ другомъ не сказано, что родственники и домашніе больныхъ выносили ихъ на улицу на кроватяхъ, „дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ“ ²⁾. А это больше даже и Владычнихъ чудесъ, и рабъ прославляется выше Господа. И скоро исполняется въ этомъ знаменіи пророчество, которое Спаситель изрекъ къ ученикамъ своимъ: „истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворить, и больше

¹⁾ букв. всякое мѣсто . . . возвѣщало.

²⁾ Дѣян. V, 15.

сихъ сотворить“¹⁾. Говоря это, я не равняю раба съ Владыкою. Отнюдь нѣтъ! безумнаго это мысль. Но поелику Богъ, черезъ служителей Своихъ обнаруживающій Свою силу, никого изъ учениковъ не обогатилъ своими дарами такъ, какъ Петра, и предъ всѣми отличилъ его, превознесши дарованіями свѣще; то и на опытѣ дѣлъ онъ явленъ былъ силою Духа, какъ первый ученикъ и большій изъ братій. Первымъ онъ призванъ былъ, и тотчасъ повиновался. Найденный на берегу морскомъ, въ тревожной мѣстности міра, обуреваемый всегда волнами человѣческихъ тревоженій, онъ имѣетъ безпрестанный молитвенный вопль около береговъ. Первый между христіанами пренебрегъ онъ мірскими вещами и, презрѣвъ все низменное, перешелъ къ духовному и премірному.

А можетъ быть, кто-нибудь изъ называющихъ треблаженнаго бѣднымъ и неизвѣстнымъ скажетъ: что же такое онъ оставилъ? чего такого лишилъ себя?—Всего, что имѣлъ, о человѣче! для каждого велико то, чѣмъ онъ владѣетъ; богатство—и то, что имѣетъ нищій. Одинаковымъ предъ Богомъ является какъ тотъ, кто оставилъ колесницы, такъ и тотъ, кто пренебрегъ осломъ; ибо что для богача четверня коней, то для бѣдняка дешевый вьючный осель. Одинаково любомудръ (нестяжателенъ) и кто оставилъ столъ серебряный, испещренный исторіями, и кто—деревянный, дешевый; такъ же точно—кто—многолюдное село и кто—маленькій садикъ, кто—шитую золотомъ одежду и кто—обветшавшій хитонъ. Вѣдь не по количеству и качеству отдаваемого судить Богъ раздаяніе и человѣколю-

1) Іоан. XIV, 12.

біе, но цѣнить произволеніе дающаго. Посему и вдову ту, положившую оволь, Евангеліе объявляетъ благоразумною, такъ какъ она не удержала при себѣ ничего изъ того, что имѣла ¹⁾. И подавшій сосудъ студеной воды получаетъ въ награду царство за истинно радушный пріемъ ²⁾; ибо что имѣлъ, тѣмъ и послужилъ нуждѣ жаждущаго, хотя и не было у него благовоннаго вина по причинѣ бѣдности. Но это говорю я еще по уступчивости; такъ какъ и рыбакъ иной вѣдь не совсѣмъ таковъ и (не настолько) бѣденъ. Не знаешь развѣ, что рыбакъ бываетъ ловцомъ жемчуговъ? А жемчуга составляютъ украшеніе надменнаго и гордаго богача; ими цари украшаются; ими гордятся женщины, любящія богатство и наряды. Рыбакъ окрашиваетъ пурпуръ, столь многославный и посвящаемый царскому достоинству. Рыбаки выкрашиваютъ шерсть подъ золото, добывая золотистую раковину. Не нужно, разумѣется, обращать вниманіе на орудія ихъ ремесла—дешевыя и незначительныя, разумѣю—сѣть и удочки; но по получаемому заработку (обыкновенно) заключаютъ о достаткѣ. Иначе ничего не найдешь бѣднѣе земледѣлія, если—съ этой точки зрѣнія—судить о богатствѣ, проистекающемъ отъ него, по киркѣ и лопатѣ. Совершенными бѣдняками были бы и копатели золота,—этого царя богатства; такъ какъ и имъ служить орудіемъ только топоръ да деревянная доска, отдѣляющая золото отъ земли.—И такъ, да умолкнуть язычники и евреи, ставящіе въ укоръ Петру бѣдность и пытающіеся умалить великаго за то, что онъ былъ рыбаремъ; и прекра-

¹⁾ Марк. XII, 42 ср. Лук. XXI, 2—4.

²⁾ Мѡ. X, 42.

тивъ подобныя насмѣшки, пусть отвѣтятъ на мой вопросъ: кто изъ рыбаковъ, или-вообще изъ всѣхъ людей прошелъ по морю? кто поставилъ ногу на стоячемъ озерѣ (такъ), какъ онъ на волнахъ, колеблемыхъ вѣтрами? Несмотря на то, что Благій Богъ нашъ черезъ рабовъ своихъ совершалъ многія чудеса какъ въ древности въ обществѣ Израильскомъ, такъ и въ послѣднія времена, когда явилось міру челоуѣколюбное домостроительство Спаса нашего,—никто изъ святыхъ, бывшихъ отъ начала до конца, не оказывается совершителемъ подобнаго дѣла ни по собственной вѣрѣ, ни по благодати свыше.

Достоинъ удивленія Моисей, перешедшій море безъ судовъ ¹⁾; но онъ, какъ естественно людямъ, прошелъ по землѣ, когда вода разступилась и поднялась съ той и другой стороны. Великъ и преемникъ его, Іисусъ, потому что перешелъ Іорданъ, вышедшій изъ береговъ ²⁾; но подобно Чермному морю и этотъ послѣдній, раступившись и пріостановивъ теченіе, далъ переправлявшемуся народу обнаженную сушу для прохода. И никто изъ людей никогда не ступалъ твердо ногою на воду; такъ какъ законъ природы не допускаетъ, чтобы вещество жидкое и текучее выдерживало (на себѣ)—твердое и гнетущее. Но мнѣ кажется, что Господь и Владыка всяческихъ, чрезвычайно обрадованный въ то время пламеннымъ желаніемъ сего мужа (Петра), съ какимъ воскликнулъ онъ, говоря: „повели мнѣ прійти къ Тебѣ по водѣ“ ³⁾, въ награду ему за многую любовь и вѣру далъ тотъ новый и

¹⁾ Исх. XIV, 21.

²⁾ Ис. Навин. III, 16.

³⁾ Мѡ. XIV, 28.

удивительный даръ, принятія коего оказался достойнымъ одинъ только Петръ изъ (всѣхъ) людей отъ Адама и до конца. Вѣдь по истинѣ и исключительно свойственно Богу показаніе такого великаго знаменія, превышающее ограниченность твари, какъ это казалось и Давиду, превосходнѣйшему изъ пророковъ. Въ одномъ изъ псалмовъ, восхваляя Бога и показывая неизреченную и непостижимую силу Его, онъ сказалъ то, что извѣстно вамъ изъ обычнаго пѣнія: „путь Твой въ морѣ, и стезя Твоя въ водахъ великихъ, и слѣды Твои невѣдомы“¹⁾. Итакъ, что имѣлъ Господь между отличительными признаками божества, это сообщилъ и рабу, считая его достойнымъ такой чести.

Достоинъ конечно, удивленія, и великъ Іоаннъ, возлежавшій на персяхъ Господа²⁾; великъ и Іаковъ, какъ прозванный сыномъ грома³⁾; славенъ въ почестяхъ и Филиппъ, какъ восхищенный Духомъ, когда тайноводствовалъ онъ еѳіоплянина къ познанію Спасителя⁴⁾; однако всѣ они должны уступить Петру и согласиться отойти на второе мѣсто, если сравненіе дарованій должно опредѣлять болѣе достойнаго. Разсматривая и соображая все въ отдѣльности, я нахожу этого мужа (Петра) и въ теоретическихъ разсужденіяхъ и въ практическихъ дѣйствіяхъ одинаково всюду опережающимъ и предваряющимъ всѣхъ учениковъ, и оставляющимъ позади себя подвизающихся на томъ же поприщѣ жизни.

Такъ, когда однажды Господь спрашивалъ и дѣлалъ испытаніе двѣнадцати, какое убѣжденіе и

¹⁾ Псал. LXXVI, 20.

²⁾ Іоан. XIII, 23.

³⁾ Мѡ. III, 17.

⁴⁾ Дѣяв. VIII, 39.

миѣніе имѣють они относительно (народной) молвы о Немъ, и повелѣвалъ ясно высказать, за кого они (сами) Его считаютъ; то между тѣмъ какъ всѣ другіе хотѣли промолчать, медлили и стали высказывать отвѣтъ какъ бы съ нѣкоторою нерѣшительностью, — тотчасъ отверзъ уста (Петръ), носившій въ душѣ горящій уголь вѣры, которымъ и уста Исаи прежде были очищены, и изрекъ блаженное оное и по-истинѣ ясное исповѣданіе: „Ты Христось, Сынъ Бога живаго“ ¹⁾. Неужели кто-либо, ставъ достоинъ истолкователемъ величайшаго изъ апостоловъ, не изумится многознаменательности этихъ словъ? Обратите вниманіе прежде всего, какъ проста и сокращенна рѣчь, излагающая въ краткомъ восклицаніи множество великихъ истинъ. Да, вся эта рѣчь превосходна, — ея выраженія вполнѣ соотвѣтственны и не расплываются при нѣскольکو скудномъ смыслѣ; ²⁾ а напротивъ — она обозначаетъ множество вещей въ краткихъ словахъ подобно зерну горчичному, которое весьма мало на осязаніе и на видъ, а если введешь его въ чувство вкуса, по всему организму съ ногъ до головы распространяетъ оно свою жгучесть. „Ты Христось, Сынъ Бога живаго,“ — это изреченіе ведущее вмѣстѣ къ познанію и Бога и Спасителя нашего, имѣетъ въ виду и сосредоточивается на двухъ этихъ понятіяхъ: одно — понятіе искони рожденнаго божества ³⁾, которое есть *въ началѣ Слово*, сущее всегда, и сущее къ *Отцу*, и сущее *Богъ*, какъ предалъ намъ эту тайну великій богословъ Іоаннъ, подобно губкѣ какой возлежавшій на персяхъ Единороднаго, и

¹⁾ Мѣ. XVI, 16.

²⁾ Какъ у риторовъ.

³⁾ т. е. превѣчнаго рожденія Сына Божія изъ существа Бога и Отца.

отсюда впитавшій въ себя знаніе сокровенной премудрости; а другое — понятіе домостроительства (воплощенія), которое Благій Богъ принялъ на себя по снисхожденію къ немощи нашей. Слѣдуетъ, поэтому, рассмотреть (подробно) отвѣтъ, который въ сжатой рѣчи и немногихъ словахъ съ точностію обнаружилъ вкратцѣ понятіе о всемъ, начавши отъ нижняго и постепенно возводя мысль къ высочайшему.

„Ты Христосъ“. Это — указаніе на домостроительство и изъясненіе богоявленія во плоти; ибо „Христосъ“ не есть имя Предвѣчнаго, но обозначеніе благодати помазанныхъ. Посему и Господь нашъ, воспріявъ въ Себя цѣлаго человѣка и прочее, что соприкосновенно съ плотію, воспринимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и названіе „помазаннаго“ въ цари — не елемъ (изъ) рога, какъ Самуиль, Давидъ и послѣдующіе люди, но дѣйствіемъ Духа, которымъ (дѣйствіемъ) и зачатъ былъ чудесно и необычайно во чревѣ Дѣвы (этотъ) Человѣкъ Господень, (такъ многимъ угодно было называть Іисуса). Исповѣдавъ же Іисуса ставшимъ ради насъ человѣкомъ, онъ (Петръ) не прекратилъ на этомъ рѣчь; но возшедъ по мысленной лѣстницѣ Іакова къ небу и созерцая сущаго въ началѣ Бога — Слова прилагаетъ къ Нему исключительное и истинное достоинство, назвавъ Сыномъ Бога живаго. Именно онъ, а не другой (это дѣлаетъ). Самъ исповѣдавъ твердо непоколебимое правило вѣры и всѣмъ намъ передавъ слово благочестія въ качествѣ нерушимаго закона, онъ не отошелъ безъ возмездія и награды. Названный блаженнымъ отъ истинно Блаженнаго, онъ именуется камнемъ вѣры, основаніемъ и опорой Церкви Божіей. Получаетъ по обѣтованію и ключи

царствія (небеснаго) и становится обладателемъ вратъ его, такъ что отверзаетъ ихъ, кому надо, и затворяетъ, для кого (это) будетъ справедливо, во всякомъ же случаѣ—для нечестивыхъ, оскверненныхъ и отрицающихся того исповѣданія, за которое самъ онъ, какъ строгій стражъ благъ Церкви, назначенъ имѣть надзоръ за входами въ царствіе (небесное). О, мракъ и туманъ, во множествѣ разлитый предъ очами человѣческими, по причинѣ, коего не видятъ еретики стезей отеческихъ и не идутъ тѣмъ путемъ, какой проложили ноги апостольскія! Вотъ Петръ, по избранію присный ученикъ Христа, вездѣ получившій первенство—и въ почестяхъ и въ нравственномъ преуспѣяніи,—онъ, великій по преимуществу, слава котораго наполнила всю вселенную, получивъ повелѣніе сказать, какъ думаетъ о Богѣ и Спасителѣ Нашемъ, не началъ съ отдаленнаго какого-нибудь умничанья, и далъ отвѣтъ на вопросъ не подбирая круга силлогизмовъ и доказательствъ, какъ нынѣ обыкновенно дѣлаютъ ловкіе софисты и говоруны о вѣрѣ; но въ простотѣ сердца кратко изложилъ онъ истину, не раздѣливши Нерожденнаго отъ Рожденнаго, не вдавшись безразсудно въ тонкія разсужденія касательно подобнаго и неподобнаго, не увлекшись суетнымъ любопытствомъ о различіи все превосходящихъ сущностей, не подвергнувъ измѣренію силлогизмами неизмѣримое Божество,—каковы именно аріевы шутки и евноміевы ложныя заключенія.—Итакъ, поревнуемъ, христіане (которыхъ отличительный признакъ—вѣра, а не многоглаголаніе), рыбарю, простецу, урожденцу Виѳсаиды, первой ловитвѣ Христа. Постараемся говорить: „Ты Христось, Сынъ Бога живаго“: больше же этого предоставимъ

любителямъ словесныхъ состязаній, которыхъ занятіе—споръ, а конецъ—погибель.

Кончаются ли, однако, на томъ, что сказано доселѣ, чудеса апостола? или—совершенно напротивъ—мы, кажется, еще и не начинали, если сравнить съ сказаннымъ остающееся. Но я, большую часть предоставивъ вашему знанію (вѣдь вы знаете Петра и дѣянія его, если бы и никто не избралъ этого мужа предметомъ похвалы), хочу сказать нѣсколько о кончинѣ его и (о томъ), какъ переселился онъ отъ земли на небо, дабы окончить свою рѣчь тамъ, гдѣ онъ—жизнь. Итакъ Спаситель Нашъ, когда по воспріятію добровольной смерти намѣревался освятить (человѣчество), какъ нѣкій особенный залогъ ввѣряетъ цѣлую вселенскую Церковь этому мужу, трижды допросивъ его: „любишь ли Меня“ ¹⁾? И когда на эти вопросы (Петръ) съ большою готовностью предложилъ равное количество признаній, онъ получилъ міръ въ (свое) попеченіе, какъ единъ пастырь—едино стадо, услышавъ: „паси агнцевъ Моихъ“ ²⁾. И почти вмѣсто Себя Господь даровалъ самаго вѣрнаго ученика въ отца, пастыря и наставника для пришельцевъ вѣры ³⁾. Такъ вотъ, услышавъ этотъ голосъ, (Петръ) не сталъ проводить житіе свое въ безнечности и не возлюбилъ жизнь, чуждую опасностей: но обходя всю вселенную, открывалъ Христа слѣпнотствующимъ, съ одной стороны—руководя блуждающихъ, съ другой—поощряя пріобщившихся благочестія, ведя борьбу съ врагами, утѣшая близкихъ, претерпѣвая гоненія,

¹⁾ Иоан. XXI, 15—17.

²⁾ Тамъ же, ст. 15.

³⁾ Это и предъидущее разсужденія оратора должно понимать въ смыслѣ пастырскаго руководства Апостоломъ Церкви, а не въ католическомъ смыслѣ внѣшняго главенства римскаго папы.

переноса тяготы темницъ, многообразно подвергаясь опасностямъ за евангеліе.

По прошествіи же времени, достигши царствующаго града людей ¹⁾, отсюда возшелъ къ царству (небесному). Ибо Неронъ, воспылавъ гнѣвомъ, какъ нѣкогда Иродъ въ Палестинѣ, когда волхвы объявили Христа царемъ,—оставляетъ всѣ другіе роды казней и рѣшаетъ пригвоздить треблаженнаго къ кресту: такъ что не только въ хожденіи по морю Петръ является подражателемъ Господа, но и въ повѣшеніи на древѣ. Однако, какъ богобоязненный и мудрый, онъ и во время предсмертныхъ мукъ зная, какое отличіе Господа отъ раба, объ одной милости просилъ враговъ (своихъ), чтобы не въ одинаковомъ (со Христомъ) видѣ прибили его къ древу, но чтобы голову пригвоздили къ той части креста, которая обращена къ землѣ; ибо недостойно даже въ страданіи рабу получить равное съ Владыкою. Сказалъ и—получилъ, чего желалъ, и черезъ крестъ отошелъ къ Распятому и Воскресшему, самъ увѣнчавшись мученическимъ вѣнцемъ, а намъ оставивъ поводъ къ нынѣшнему празднику.

Эти дары благодаренія и мы посильно воздали тебѣ, любезная и священная глава, за многіе доблестные подвиги (твои). Пора, затѣмъ, обратить рѣчь къ другому подвижнику,—общнику твоей доблести, тарсянину, отошедшему ко Христу, правда, различнымъ (отъ тебя) способомъ мученичества, но съ одинаковою цѣлію благочестія.

Павель божественный, велегласная труба Евангелія, сначала жестокій ненавистникъ христіанъ, а впослѣдствіи—сильнѣйшій защитникъ Церкви; позд-

¹⁾ т. е. Рима.

нѣе (другихъ) апостоловъ онъ былъ возрожденъ благодатію и по времени занималъ второе мѣсто среди учениковъ Христа, по достоинству же добродѣтели былъ равенъ (имъ),—чтобы не сказать болѣе и не постыдить сѣдины двѣнадцати,—горячій ревнитель Моисея, какъ едва ли кто другой, ограда закона, оплотъ ветхаго завѣта крѣпкій и незыблемый. И пока онъ не измѣнилъ образа мыслей, великою опасностью былъ для провозвѣстниковъ Христа, и всюду приводилъ въ смятеніе и въ бѣгство нашихъ;—по истинѣ, согласно предреченію Іакова, „Веніаминъ хищный волкъ“ ¹⁾, терзающій лучшихъ (людей) новаго завѣта и разсѣивающій стада.

Послѣ того, какъ онъ совершилъ (извѣстное) дѣяніе противъ св. Стефана, и еще имѣя руки, обогрѣныя кровью, послѣдно шелъ по дорогѣ къ Дамаску, желая присоветовать къ гоненію гоненіе, къ убійствамъ убійства, и съ корнемъ истребить христіанство, только что пустившее первый цвѣтущій ростокъ,—вѣдалъ хорошо Богъ нашъ, что совершилъ,—что сильный врагъ можетъ быть и другомъ мужественнымъ: и осіявъ его внезапно свѣтомъ, приводитъ въ содроганіе и повергаетъ въ смиреніе, приостановивъ, съ одной стороны, шествіе страхомъ, и съ другой—поразивъ мракомъ глаза (его), пылавшія огнемъ и гнѣвомъ. Наказуетъ же его не молчаливо, но къ дѣлу присоединилъ и слово, сказавъ ему написанное (въ Дѣяніяхъ): „Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти противъ рожна“ ²⁾, не потому, чтобы Самъ нуждался въ разговорѣ (ибо

¹⁾ Быт. XLIX, 27.

²⁾ Дѣян IX, 4—5.

нужны ли слова, когда достаточны дѣла?), но чтобы дать поводъ (Савлу) спросить и узнать, что Христосъ, Котораго считали умершимъ и лежащимъ въ землѣ, живъ и является съ небесъ. Но ничего нѣтъ лучше, какъ предложить самыя слова, повѣствующія намъ объ уловленіи еврейскаго волка.

„Савлъ же, еще дыша угрозами и убійствомъ“ ¹⁾... Изображаетъ мнѣ эта рѣчь мужа, терзаемаго яростью отъ предшествующаго оскверненія убійствомъ, еще тяжело дышущаго послѣ метанія камней, съ налитымъ кровью и дикимъ взглядомъ, какъ естественно убійцѣ, сохраняющему древле данныя черты въ пророчествѣ патріарха. Вѣдь этотъ послѣдній, когда былъ близокъ къ смерти, оставивъ со всѣхъ сторонъ около кровати дѣтей (своихъ), пророчествовалъ Духомъ. Такъ напр., благословляя Іуду, хотя разговаривалъ съ нимъ, но таинственно прославлялъ (имѣвшаго произойти) отъ него Христа. Всѣмъ по порядку произнесши предсказанія касательно послѣдующихъ судебъ, дошелъ наконецъ до Веніамина, какъ младшаго по возрасту; и, конечно, къ сыну обращалъ рѣчь, въ дѣйствительности же предугазывалъ на Павла, происходящаго, какъ извѣстно, изъ его колѣна. „Веніаминъ волкъ, хищникъ, рано ястъ и на вечеръ даетъ пищу“ ²⁾. Изслѣдуемъ, что значитъ сказанное. Не то ли это, что сначала съѣвши (т. е. подвергши преслѣдованію, убійству, пролитію крови,—разсѣявъ церковь, какъ стадо), напослѣдокъ онъ сдѣлался питателемъ и пастыремъ добрымъ, сложивъ съ себя гонителя и облекшись въ апостола, всѣмъ какъ пищу раздавая законъ и устроивъ для насъ сію священную трапезу. Вотъ какова сила

¹⁾ Тамъ же, ст. 1 и слѣд.

²⁾ Быт. XLIX, 27.

Господня, что она обезоруживаетъ отъ ярости и нечестивыхъ замысловъ мятежниковъ, искусно приводитъ (къ своей цѣли) и смягчаетъ, дѣлаетъ кроткими овцами вмѣсто звѣрей кусающихъ.

При этомъ, что (еще) говорить Писаніе? „Пришелъ къ первосвященнику, и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ“ ¹⁾, чтобы отвести христіанъ въ Іерусалимъ. О, какое несогласіе и различіе писемъ, коихъ тогда просилъ Павелъ, отъ тѣхъ, которыя впослѣдствіи написалъ онъ, возвѣщая Христа! Одни связывали христіанъ, другія налагали многія цѣпи за Христа на (самого) гонителя, и притомъ (цѣпи)—тяжелыя и трудноносимыя. Тамъ было написано: Павелъ, еврей, защитникъ закона, врагъ креста, противникъ Евангелія; въ позднѣйшихъ-же посланіяхъ: „Павелъ, рабъ Іисуса Христа“ ²⁾,—какого? внемли: Распятаго. О, чудо! то, что недавно было поношеніемъ, теперь стало похвалою: унижаемое воспоминается теперь, какъ слава: ибо ни одинъ тщеславный и гордый царь не величался такъ славою (своей) власти, какъ Павелъ—крестомъ и гвоздями, подписываясь всюду узникомъ ³⁾ и больше красуясь желѣзомъ, чѣмъ дѣвицы—золотымъ украшеніемъ.

„И внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба“ ⁴⁾. Почему (Христосъ) не является ему въ видѣ человѣка, какъ Стефану съ неба, но въ видѣ огня или свѣта? Потому, что Стефану,—такъ какъ онъ былъ совершенъ и зналъ тайну вочеловѣченія, и слѣдовательно нисколько не потерпѣлъ бы вреда вслѣдствіе несо-

¹⁾ Дѣян. IX, 1—2.

²⁾ Римл. I, 1.

³⁾ Филим. 9.

⁴⁾ Дѣян. IX, 3.

вершенства, свойственнаго намъ,—какъ и слѣдовало, Онъ явилъ Себя въ томъ видѣ, въ какомъ и на небо возшелъ. Павлу же, какъ такому, который не допускалъ называть Іисуса Богомъ, оттого что Онъ въ тѣлѣ пребывалъ среди насъ,—не является чело-вѣкомъ, дабы не утвердить въ невѣрующемъ прет-кновенія, но лучше—въ видѣ молніи и огня, чтобы отвлечь его отъ закона и Моисея. Это потому, что и тамъ тотъ же самый Богъ, являясь Моисею, въ огнѣ глаголалъ; и при дарованіи закона на Синаѣ, огнемъ облиставши еврея (Моисея), вручалъ ему скрижали. Осіяваетъ, потому, и его (Павла), дабы обративъ вниманіе на сходство бывшего тогда и те-перь и какъ бы отъ забытья какого пробудившись, позналъ онъ богоявленія, отъ единой силы проис-ходящія. Посылаетъ же сіяніе съ неба, чтобы Па-велъ не называлъ уже,—обращаясь мыслию къ Вио-леему и Галилеѣ,— Христа сыномъ Давида и чело-вѣкомъ и всѣми прочими именами, относящимися къ домостроительству; но чтобы ясно позналъ, что Богъ, сущій въ вышнихъ, снисшелъ къ намъ, от-куда и теперь является.

Затѣмъ присоединяетъ ясно: „И Іисусъ“ ¹⁾, —имя снисхожденія,—дабы утвердить вѣру въ воплощеніе, которою соблазнялись іудеи.— И—Тотъ, Котораго вы заушали, Котораго бичевали, Котораго влачили и водили сначала къ Каіафѣ, потомъ—къ Пилату, Ко-торого обзывали постоянно сыномъ плотника, Кото-раго считали въ числѣ мертвыхъ, много насмѣхаясь надъ проповѣдниками воскресенія. Это—И, Который говорю теперь, но не являюсь; присутствую, но не видимъ; просвѣщаю душу, наводя слѣпоту на глаза.

¹⁾ Тамъ же, ст. 5.

Итакъ, повѣрь, что и Стефану Я являлся, когда онъ, говоря это къ вамъ, не находилъ довѣрія.— „Трудно тебѣ идти противъ рожна“ ¹⁾. Рожномъ называетъ гвозди креста; ибо какъ набрасывающійся на заостренное желѣзо, не ему вредить (можно ли это твердому?), но себя самого ранить; такъ и противоборствующій Богу навлекаетъ на себя добровольную гибель. Вразумись, впрочемъ, и потерявъ зрѣніе отъ чудеснаго сіянія, теперь особенно подумай, что для того Я и тѣломъ облекся и сдѣлался человекомъ, чтобы всѣ не ослѣпили, приходя въ общеніе съ Божествомъ безъ прикровенія (тѣлесностію).

Вотъ что было,—и ведомый за руку Павелъ являлъ собою зрѣлище жалкое, или скорѣе—пріятное и достойное радости. Связанъ волкъ, образумленъ хищникъ, укрощенъ дикарь, тихо пошелъ бѣжавшій, уходилъ ученикомъ мучитель учениковъ: отводился пить кровь Другаго кровію Стефана обогрившій руки. Въ теченіи трехъ дней пребывалъ онъ въ слѣпотѣ, —и совершенно естественно: ибо согрѣшившій противъ Троицы по справедливости и присужденъ былъ къ наказанію равночисленному.

Такъ божественный сей (Павелъ) тайноводимъ былъ къ благочестію. И когда онъ пріобщился истины и опытомъ позналъ, что Христосъ живетъ, существуетъ и царствуетъ надъ всѣмъ, а не погубленъ смертію, не украденъ учениками: то тотчасъ перешедши отъ закона къ Евангелію, всѣмъ сталъ возвѣщать Богомъ Христа, Котораго вчера и недавно поносилъ злословіями,—и сталъ (теперь) такимъ же поборникомъ, какимъ (прежде) былъ врагомъ,—сильнымъ въ томъ и другомъ случаѣ. Вдругъ и не ожи-

¹⁾ Тамъ же, ст. 5.

данно вошедши въ синагоги Дамаска, началъ излагать передъ собраніемъ слова закона и пророковъ, не законъ утверждая, но находя въ немъ указанія на Христа, и сопоставляя рѣчи учениковъ съ совершающимися событіями, и закономъ изгоняя законъ. Такъ и самъ онъ говоритъ о себѣ въ посланіи¹⁾ къ Римлянамъ: „закономъ я умеръ для закона“¹⁾, т.е. бывъ руководимъ писаніями Моисеевыми, позналъ я благочестіе Евангелія.—Ужасъ объявля Дамаскъ и всѣ какъ Божіе чудо разглашали другъ другу: идите, посмотрите тарсянина еврея, (прежняго) горячаго ученика отеческаго закона, а тепершняго ревностнаго защитника Іисуса, Богомъ Его объявляющаго и доказывающаго изъ нашихъ Писаній, что Онъ есть обѣтованный Спаситель. Явилось даже опасеніе, чтобы онъ не обратилъ весь городъ и не увлекъ весь народъ за собою и не отклонилъ бы отъ закона; ибо вѣдь онъ (Павелъ)—и свѣдущъ въ Писаніи, и умомъ остеръ, и въ словѣ мѣтокъ, и въ обращеніи находчивъ, и приобрѣлъ большое довѣріе; посему, въ точности зная наше, онъ, казалось, не по невѣденію заблуждался, но изслѣдованіемъ и разсужденіемъ обрѣлъ истину. Въ такое недоумѣніе ввергла великій, многочисленный городъ первая проповѣдь мужественнаго обращенца. И въ то время Дамаскъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ прежде хрістіане въ Іерусалимѣ, когда Павелъ побивалъ камнями Стефана; ибо какъ лучшіе изъ борцовъ куда перейдутъ, туда переносятъ съ собою и побѣду, такъ и божественный (сей) мужъ дѣлалъ тѣхъ вполнѣ великими, и на чью сторону склонялся и весь городъ.

„Такимъ-то образомъ, возвѣстивъ Евангеліе въ Фи-

¹⁾ Въ текстѣ ошибочно названы Римляне; цитата взята изъ Галат. II, 19 Ср. Римл. VII, 6.

никіи, и первая сѣмена апостольства положивъ тамъ, гдѣ и самъ просвѣщенъ былъ знаніемъ, онъ пришелъ въ Іерусалимъ, будучи страннымъ и вмѣстѣ прекраснымъ зрѣлищемъ для тамошнихъ жителей. Тѣ, которые ранѣ послали его, не зная о случившемся въ промежутокъ этого времени, при первомъ свиданіи съ удовольствіемъ смотрѣли (на него) и спрашивали добычи, надѣясь увидѣть множество узниковъ-христіанъ, и ища исполненія многихъ обѣщаній. Но когда, съ теченіемъ разговора, они нашли Савла Павломъ, перемѣнившимъ вмѣстѣ съ именемъ и образъ мысли, рабомъ Христа и ученикомъ болѣе пылкимъ, чѣмъ другіе апостолы: то сначала сочли его рѣчи за шутку и насмѣшку. Но когда, хорошенько обдумавши, нашли, что образъ мыслей его соотвѣтствуетъ его словамъ, то только о томъ и думали, какъ бы погубить юношу; такъ какъ нельзя было еврейской религіи существовать и успѣшно дѣйствовать, пока живетъ и проповѣдуетъ Павелъ. И это ясно показало все послѣдующее время.

Когда еще многіе, хотя и были христіанами, недостаточно чисто жили по Евангелію, но двоедушествовали и иногда даже употребляли обрѣзаніе, дабы отчасти дѣлая угодное евреямъ, смягчить ихъ гнѣвъ; онъ одинъ съ непреклоннымъ убѣжденіемъ училъ не допускать никакой уступчивости, и вслухъ всѣхъ громко провозглашалъ свое слово, и дошелъ до такой свободы мысли, что однажды, когда Галаты, по собственному легкомыслію и небрежности учителей, снова стали переходить къ жизни подзаконной,—онъ, пиша къ нимъ дивное посланіе (которымъ научалъ ихъ въ обновленіи жизни по Христу вести себя благочестиво и богоугодно, не держась уже

письменъ, начертанныхъ на каменныхъ скрижаляхъ), коснулся въ своей рѣчи самого главы апостоловъ, и, рѣшительно противопоставъ Петру, упрекалъ его за то, что онъ искажаетъ новый образъ жизни привнесениемъ старыхъ и отжившихъ установлений: и даже не устыдился ни сѣдины старца, ни старѣйшинства въ апостольствѣ, когда видѣлъ, что истина подвергается опасности; но какъ противъ Галатовъ онъ сильно возсталъ, такъ и Петра, сильно поразилъ, растворивъ впрочемъ, какъ и слѣдовало, дерзновеніе благопристойностію. Такъ и вездѣ онъ училъ и убѣждалъ. Если же гдѣ, встрѣтившись съ злыми нравами и претерпѣвалъ онъ какую-нибудь бѣду—заключеніе ли въ темницу, полученіе ли ранъ, побіеніе ли камнями, то не ослабѣвалъ въ усердіи изъза приключившагося несчастія, но немного спустя опять приближался къ врагамъ, и опровергая ихъ рѣчи и изобрѣтая способы (для исполненія своихъ) предпріятій, весьма искусно при этомъ приспособляясь къ встрѣчающимся потребностямъ, всегда уходилъ, убѣдивши или всѣхъ, или многихъ. Неоднократно найденный съ неисцѣльными ранами ¹⁾ и брошенный въ предмѣстіяхъ того города, который тайноводствовалъ онъ къ благочестію, считавшійся уже умершимъ отъ множества злоключеній,—на слѣдующій день достигнувъ площади и протянувъ правую руку, опять училъ онъ тѣхъ, кои почти довели его до смерти. Такъ, нисколько не заботился онъ о тѣлѣ; но взирая на цѣль высшаго призванія, отважно боролся, переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, подвизаясь въ трудахъ на сушѣ, противостоя опасностямъ на морѣ, витійствуя вра-

¹⁾ Дѣян. XVI, 22 и слѣд.

зумительно передъ мятущимся народомъ, защищаясь передъ гнѣвными судьями: евреевъ приводя къ познанію Христа при помощи чтимыхъ у нихъ Писаній, эллиновъ склоняя внѣшними доводами и неписанными законами природы, христіанъ укрѣпляя, прозелитовъ назидая и питая приличными наставленіями, какъ садовники (питають) отсадки растеній — соотвѣтственнымъ и умѣреннымъ поливаніемъ воды. А что особенно обнаруживаетъ его силу въ рѣчахъ, мы (сейчасъ) узнаемъ.

Аѳины—передній городъ Ахаіи, очагъ наукъ, какъ прежде называли его люди знаменитые, мѣсто занятій мужей мудрыхъ и преданныхъ наукъ. Итакъ, Павелъ, прошедши весь Иллирикъ и всюду разсѣявая искры вѣры, которыя Духъ Св. принявъ воспламенялъ и сохранялъ неугасимыми ¹⁾, пришелъ по нуждѣ путешествія ²⁾ и къ мудрымъ Аѳинянамъ. Многотруднымъ было дѣломъ, чтобы скинотворецъ публично проповѣдывалъ ученіе о Богѣ тѣмъ, которые имѣли притязаніе быть владыками всѣхъ людей по образованности. Но возвышаемый величіемъ природы и богатствомъ дарованія свыше, онъ избралъ не одинъ изъ крытыхъ домовъ ³⁾ и не въ какой-либо мастерской присѣвши (какъ обыкновенно вели разсужденія съ своими учениками даже первые изъ ихъ философовъ), повелъ онъ свою бесѣду; но вошедши въ Ареопагъ (гдѣ былъ совѣтъ жестокій и страшный, произносившій уголовныя рѣшенія), и нашедши тутъ великое множество собравшихся, вставъ началъ проповѣдывать по примѣру привычныхъ ораторовъ, ежедневно состязавшихся у нихъ.

¹⁾ Дѣян. XVII, 16 и слѣд.

²⁾ Т. е. по дорогѣ.

³⁾ Т. е. обыкновенный домъ.

Взявъ за начало надпись, начертанную на одномъ жертвенникѣ, и отсюда удачно возвѣстивъ имъ невѣдомаго Бога, и закончивъ всю рѣчь, онъ, хотя и чуждый виѣшной мудрости, настолько мало погрѣшилъ въ чемъ-нибудь относительно доводовъ, что самого главу членовъ Ареопага, Діонисія, а вмѣстѣ и жену его, убѣдивъ, обратилъ и сдѣлалъ рабомъ Христа, на основаніи одного жертвенника и краткой надписи отклонивши отъ многихъ жертвенниковъ.

Отошедши побѣдителемъ оттуда, гдѣ враждебный демонъ Эллиновъ особенно былъ силенъ, и перешедши отсюда въ сосѣдній городъ Коринѣ, бывшій столицею Ахаіи, и возвѣстивъ въ синагогахъ спасительное ученіе, онъ ушелъ, привлекиши прозелита—не одного изъ толпы и изъ заурядныхъ (людей), но самого начальника синагоги со всѣмъ многочисленнымъ домомъ ¹⁾. Побѣдивъ законъ (начиная) съ главы и возвеличивъ крестъ, какъ высокій трофей, онъ оставилъ такимъ образомъ и этотъ городъ, подчинивъ его Христу. Съ теченіемъ же времени и съ распространеніемъ слова благочестія, онъ сталъ какъ бы какимъ полководцемъ, — приобретаая Царю ежедневно города, села, деревни и пресѣкая силу прежде владычествовавшего тиранна.

Такъ, изъ Коринѣа перешелъ онъ въ Писидійскую страну, затѣмъ побывавъ въ Ликаоніи и Фригійскихъ городахъ и отсюда посѣтивъ Азію и потомъ — Македонію, — онъ былъ общимъ учителемъ вселенной, при личномъ свиданіи благодѣтельствуя устною рѣчью, отсутствующихъ же привлекая черезъ посланія. У него одного ни постоянно шест-

¹⁾ Дѣян. XVIII, 8.

вующія стопы не утомлялись, ни языкъ не уставалъ, безпрестанно излагая тайны Евангелія и врагамъ и друзьямъ. Таковъ онъ былъ въ отношеніи къ учительству. А какимъ онъ былъ человѣкомъ въ другомъ любомудріи жизни? Всегда и постоянно съ усердіемъ занимаясь проповѣдью и служа Евангелію, онъ ни отъ кого не бралъ въ даръ даже и хлѣба: но днемъ имѣлъ борьбу съ безчисленными врагами, ночью же—ножъ, кожи и занятіе своимъ ремесломъ, чтобы этимъ добыть себѣ пропитаніе, и для всѣхъ явиться апостоломъ необременительнымъ, проповѣдникомъ безмезднымъ, отказывающимся даже отъ хлѣба угощающихъ.

Это слово слушаемъ, о іереи, — которые не только часть получаете отъ алтарей, но и богатѣете отъ нихъ, и роскошествуете, и дѣлаете священный избытокъ собственнымъ стяжаніемъ, грубо распоряжаясь послушными Христа ради, какъ рабами. Священство не есть властвованіе, а скорѣе — рабство для того, кто понимаетъ его; это—не санъ начальническаго самоволія, а служеніе богобоязненному домостроительству. Ужели не имѣлъ власти дивный Павелъ вкушать и пить отъ священныхъ приношеній ¹⁾, и хотъ малое вознагражденіе брать за безчисленные труды — для поддержанія постоянно подвергавшагося побоямъ тѣла? Но онъ не воспользовался этой властью, дабы, ничего не получивъ на землѣ, все сберечь для неба. Вслѣдствіе этого, еще будучи облеченъ тлѣнною плотью, онъ удостоенъ былъ почестей сверхчеловѣческихъ. Чтобы созерцать залогъ будущихъ благъ и тамошнихъ почестей, онъ восхищается до третьяго неба, видитъ явленія,

¹⁾ 1 Коринѣ. IX, 4.

превосходящія здѣшній удѣлъ, слышитъ неизреченныя глаголы, какъ самъ говоритъ ¹⁾, хотя по необходимости—и со сдержанностью, избѣгая всюду хвалиться и величаться собственными преимуществами. Чтобы обуздать высокомеріе гордящихся малыми дарованіями, онъ по необходимости открываетъ нѣкоторыя изъ своихъ, и притомъ отнесши ихъ къ другому лицу и далеко отклонивши всякое подозрѣніе относительно себя.

Вѣдь вотъ Ілія Оесвитянинъ за то, что въ видѣ огненной колесницы ²⁾ подъятъ былъ на высоту, всюду прославляется и служитъ предметомъ большаго удивленія для живущихъ на землѣ людей; но далеко ли онъ достигъ, — этого не разъяснило никакое слово. Быть можетъ и немного отъ земли поднятый возносившею его силою, онъ былъ отданъ въ то мѣсто, которое получилъ для своего обитанія. Павлово же преселеніе было болѣе блистательно и славно, такъ какъ прибавлена и мѣра, на сколько онъ былъ вознесенъ: ибо если вообще извѣстны семь небесъ, то онъ достигъ безъ малаго половины. И пусть, наконецъ, отложить гордость еврей, много хвалящіеся Моисеемъ за то, что онъ одинъ достигъ вершины Синая и находился среди мрака и облаковъ. А Павелъ мой вмѣсто горы возшелъ на небо, и вмѣсто тучи досягнулъ дальше воздуха, находящагося надъ облаками. И это вполне естественно: вѣдь человѣку по Христу надлежало настолько побѣдить Моисея, насколько Евангеліе превосходитъ законъ.

А о богоявленіяхъ и богоглаголаніяхъ, и какъ

¹⁾ 2 Коринѣ. XII, 2 и слѣд.

²⁾ Т. е. подъятъ былъ тѣмъ, что имѣло видъ колесницы.

отъ узъ онъ освобождался и въ уныніи воодушевлялся, при чемъ Богъ давалъ ему откровенія и во снѣ и на яву,—нужно ли и говорить, когда онъ самъ не скрылъ этой своей благодати, но всеѣмъ вообще ясно открылъ, сказавъ: „вы ищете доказательства на то, Христосъ ли говоритъ во мнѣ“ ¹⁾.... Ибо тогда какъ другіе—изъ пророковъ-ли, или изъ апостоловъ—имѣли дѣйствія ²⁾ свыше въ опредѣленные сроки и временно,—и иногда имъ соприисутствовало Божество, а иногда — и нѣтъ: божественный сей (Павелъ), разъ ставъ избраннымъ храмомъ Бога, назначеннымъ для обитанія Его, всегда имѣлъ Христа и руководителемъ (своихъ) намѣреній, и учителемъ въ рѣчахъ, и пособникомъ въ дѣлахъ. И Іоаннъ Зеведеевъ казался великимъ, потому что, пользуясь большимъ передъ другими учениками дерзновеніемъ предъ Господомъ, возлежалъ на персяхъ Его ³⁾, и за то въ особенности славится у всѣхъ. Сей же (Павелъ) не по справедливости ли долженъ бы (повидимому) считаться даже выше человѣка, когда онъ не тѣлеснаго Іисуса ¹⁾, но чуждое плоти Слово ежедневно носилъ въ себѣ, представивъ себя Создателю сосудомъ благопотребнымъ и чистымъ? Много разнообразнаго можно было бы сказать, что сей божественный, научая весь міръ, и говорилъ и дѣлалъ—на землѣ и морѣ, въ судилищахъ, на площадяхъ, среди народа, въ собраніяхъ, въ дворцахъ царскихъ: но я добровольно опускаю это за многочисленностью: ибо я предположилъ не описаніе подвиговъ его составить, такъ чтобы ничего не пропустить, но до-

¹⁾ 2 Коринѣ. XIII, 3.

²⁾ Т. е. откровенія сверхъестественныя.

³⁾ Іоан. XIII, 23.

⁴⁾ Рѣчь тутъ о плоти Христа до воскресенія Его и вознесенія на небо.

хвалу воздать, и притомъ — насколько достаетъ моихъ силъ. Объ одномъ только послѣднемъ (подвигѣ) упомянувъ, я окончу рѣчь.

Послѣ того, какъ исходилъ онъ всю вселенную и, поставивъ слово на свѣщникѣ, возжегъ великій огонь евангельскаго знанія, — достигъ онъ Рима, какъ царствующаго града, дабы, научивъ и убѣдивъ владычествующихъ надъ всѣми людьми и содѣлавъ ихъ учениками, онъ могъ бы съ тѣмъ большею силою дѣйствовать своею проповѣдью на другихъ людей. Нашедши же и Петра здѣсь, дѣлателя столь же усерднаго, и соединившись въ нѣкую священную и боговдохновенную чету, училъ онъ подзаконныхъ въ синагогахъ, а язычниковъ присоединялъ на площадяхъ; и разнообразнымъ былъ онъ учителемъ благъ, раскрывая познаніе Бога чистое и неложное, давая въ законъ точныя правила нравственной добродѣтели, изгоняя далеко отъ людей пляски и пьянство и всякое вообще необузданное сладострастіе, которому чрезмѣрно подверженъ былъ и народъ весь и царь тогдашній. Сильно тронуло Нерона введеніе превосходнѣйшаго цѣломудреннаго образа жизни. Онъ болѣе жалѣлъ о прекращеніи удовольствія, чѣмъ, если бы кто лишилъ его самаго царства; ибо онъ, какъ едва ли кто другой, былъ изобрѣтателемъ наслажденій, любителемъ роскоши и веселья, малодушнымъ и изнѣженнымъ, начальникомъ блудницъ, а не царемъ мужчинъ. Да и какъ могъ властвовать надъ другими тотъ, кто не научился управлять самимъ собою? Одну положилъ онъ себѣ заботу, какъ бы истребить изъ города учителя благочестія и цѣломудрія. И поревновавъ Ироду въ этой мысли, заключаетъ апостоловъ въ темницу, какъ тотъ — Іоанна; и имѣя по сходству другую Иродіаду, — необузданное и сла-

дострастное настроеніе, искавшее главы Петра и Павла,—обоихъ увѣнчалъ онъ вѣнцемъ мученическимъ, одного пригвоздивъ къ дереву, у Павла же отсѣкши голову, а намъ и (всему) міру оставивъ страданіе святыхъ поводомъ для торжества и столь великаго праздника.

Вотъ что принесть намъ, о Треблаженные, ежегодный обычай, возвѣщающій васъ повсюду, какъ обшихъ всей вселенной подвижниковъ, и улучшающій мысли людей вашимъ чествованіемъ, ибо чествуемая добродѣтель возбуждаетъ многихъ къ соревнованію,—во Христѣ Іисусѣ Господѣ Нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.
